

Раздел I IN MEMORIAM

И. А. Дергачев

Первый роман о рабочих [Ф. М. Решетникова]*

В 1865 г. Решетников задумал испытать силы в жанре романа. Находясь в Перми во время двухмесячной поездки по Уралу, в письме к Н. А. Благовещенскому, с которым у него были добрые отношения, он делится своими планами и говорит: «По приезде в Петербург я буду писать роман: “Семейство Глумовых”, в двух частях, из горнорабочего быта...» Он полагает, что роман «будет получше “Подлиповцев”» [5, т. 6, с. 351], ощущая преимущество новой формы и более полное овладение материалом. Очевидно, что новое произведение должно быть «получше» в плане социальной остроты, раскрывающим изнанку благополучия в существующих латифундиях уральских магнатов. Решетников признается, что боится «таких господ, как например, Строгонов, Демидовы и другие дармоеды» [Там же], еще раз подчеркивая в самой оценке владельцев заводов общий смысл их национальной «деятельности», как она воспринимается самим населением заводов края.

Судя по письму к Некрасову 2 сентября 1865 г. (см.: [Там же]), план романа уже сложился. Он, в сущности, излагает замысел не одного романа, а как потом окажется, серии их. Его замечание, что роман им задуман еще в Екатеринбурге в 1861 г., вряд ли можно понимать буквально. Скорее всего, имеется в виду, что в общих писательских интересах того времени полотно из рабочего быта, еще не разрабатываемое в деталях, уже просвечивало где-то на дальнем плане.

Работать над романом, который получит название «Горнорабочие», Решетников – это очевидно – начал, еще находясь в уральской поездке.

* Архив И. А. Дергачева. Д. 10. Ед. хр. 1. Л. 8–47. Машинописный текст с рукописной правкой и рукописными вставками представляет один из вариантов раздела главы о романах из неизданной монографии о Ф. М. Решетникове. Стиль авторского текста правке не подвергался, необходимые для понимания разъяснения введены в квадратные скобки.

© Дергачева М. И., 2017

Во всяком случае, выехав из Екатеринбурга обратно в Пермь и далее в Питер в Ильин день, то есть 20 августа, 19 сентября он уже записывает в дневнике, что отдал первую часть романа в «Современник» [Там же, с. 286]. Осложнявшееся положение «Современника»: уменьшение количества подписчиков, усиление цензурных придирок – все это требовало от редактора очень тщательного взвешивания дальнейших действий. Согласившись выслушать начало романа в авторском чтении, Некрасов вскоре, сославшись на недуг, предложил Решетникову отдать рукопись в переписку, впрочем, обнадежив, что роман может пойти в последних номерах 1865 г. В начале декабря у Некрасова было в руках уже две части романа. Никакого решения о дальнейшем движении произведения принято не было.

Материальное положение писателя, о чем уже говорилось, было отчаянным. Некрасов в ноябре и декабре напечатает отвергнутые «Русской мыслью» «Записки бедного провинциала в столице», но отсутствие гонораров с июля по ноябрь заставило [Решетникова] влезть в долги. Рождение дочери Марии, болезнь жены, необходимость передать девочку в воспитательный дом, – все это создало очень грустную ситуацию. В начале декабря Решетников написал Некрасову резкое письмо с просьбой вернуть рукопись «Горнорабочих». В ответном письме Некрасова было сказано, что Решетников может зайти к нему перед Рождеством. При личном свидании он еще раз сказал Решетникову, что не может печатать роман, не зная его продолжение, напомнив о сложных цензурных условиях. Рядом он поставил также понижение тиража журнала и предупредил, что на прежний пятидесятирублевый гонорар [за лист. – М. Д.] Решетников рассчитывать не может. Он рекомендовал искать службу, выдал аванс сто рублей.

Трудно сказать, что изменилось в судьбе журнала или в мыслях Некрасова, но в январском номере «Современника» (вышедшем в феврале) первая часть романа «Горнорабочие», претерпевшая много сокращений, увидела свет. Во втором номере было напечатано завершение первой части романа. В дневниковой записи от 11 марта писатель рассказывает о трениях в связи с подготовкой к печати второй части романа. Эта часть была возвращена Некрасовым.

Некрасов говорил, что написано резко, очевидно, опасаясь цензурных трудностей. Кроме того, он забраковал сцену посещения простой работницей начальника горных заводов, которому она принесла жалобу на то, что ее сын в заводе засечен насмерть. Пыпин нашел много «нелепостей и просто ненужных вещей» [Там же, с. 292], [но неясно], а как он сумел в чужой художественной системе найти «лишнее, ненужное». Что же касается нелепостей, то [смотря] с чьей точки зрения?

Тринадцатого апреля 1866 г. после покушения Каракозова он [Решетников] записывает: «Пойду к Некрасову с 3-й частью романа. Не хочется, но надо узнать, будут или нет печатать в апреле 2-ю часть» [Там же, с. 295]. (В мартовскую книгу продолжение «Горнорабочих» не было поставлено.) Он фиксирует своеобразный воображаемый диалог с Некрасовым: «Время теперь такое... Опасно, — скажет Некрасов» [Там же]. Решетников, еще недостаточно оценивший изменившуюся в сторону реакции политическую ситуацию, подозревает в чем-то редактора «Современника»: «Но я знаю, что тут что-то кроется со стороны Некрасова...» [Там же]. Не крылось ничего: над «Современником» нависла угроза закрытия. Каждый номер надо было тщательно взвешивать, руководствуясь лишь общими интересами всей литературы, нуждающейся в существовании «Современника». Сам Решетников в августе внесет в дневник: «Некрасов обещался поместить 2-ю часть романа “Горнорабочие” в майской книжке... хотя потом отложил до июньской» [Там же, с. 296]. Ни в апрельской, ни в майской книжках журнала продолжение «Горнорабочих» не появилось. Как известно, майской книжкой «Современник» был закрыт.

Начались новые мучительные поиски возможностей напечатать продолжение романа, хотя бы под другим заглавием, хотя бы в виде самостоятельного целого.

Новый роман с другими действующими лицами, хотя судьбы иных и повторяли «Горнорабочих», под названием «Глумовы», был принят «Делом», открывшимся осенью 1866 г. Первоначально предполагалось, что «Глумовы» «поглотят» материал «Горнорабочих», но тут же Решетников разъясняет: «Я отдал Благосветлову начало романа “Глумовы”, предполагая содержание передать из “Горнорабочих”: но ладно, что я медлил: этот роман выйдет совсем другого рода, но лучше “Горнорабочих”» [Там же, с. 301].

Что касается самого романа «Горнорабочие», то при помощи Некрасова этот роман хотел напечатать в «Невском сборнике» Н. Курочкин. Однако план не состоялся. Курочкину показалось, что «Глумовы» очень близки к роману, напечатанному в «Современнике».

Когда вышел «Невский сборник» в 1867 г., издатель сообщил читателям: «“Горнорабочие” не напечатаны нами потому, что в “Деле” печатается другой роман г. Решетникова “Глумовы”, совершенно одинакового содержания с “Горнорабочими”» [2]. Заключение Н. Курочкина было неверным, как это будет видно в ходе дальнейшего анализа романов.

Публикация «Глумовых» тоже встретила ряд препон. Если первые впечатления цензуры были сдержанно-либеральными, то во второй части цензоры усмотрели достаточно полную картину «прежней

горнозаводской» жизни, с бесправием крепостных, с их недоумением в связи с «волей», и потребовали исключить ряд резких и ярких картин. Роман печатался, начиная с декабрьской книги «Дела» в 1867 г.

В начале апреля была закончена третья часть романа «Глумовы». Но Благодетель, видимо получивший уже устные замечания от цензуры, неожиданно пишет: «Вы предполагаете дать и 3-ю часть. Будет ли это хорошо для Ваших читателей – печатать целый год один роман? Кажется, Вы сделали бы лучше, если бы под другим заглавием и при лучших цензурных условиях Вы возобновили бы историю Глумовых» [5, т. 3, с. 459]. Как видно, издатель журнала сумел оправдать себя ссылкой на цензуру. А может быть, в самом деле, цензура «рекомендовала» не продолжать роман.

Роман «Глумовы», как и «Горнорабочие», не был закончен в том виде, который хотел придать ему автор.

Тем не менее, для нас эти неоконченные романы Решетникова – значительный факт литературно-общественной и художественной жизни России середины шестидесятых годов. Своеобразие их композиционно-художественного содержания делает их и в этом виде законченным целым, открывающим людям большой художественный мир и глубоко истинную картину реального бытия рабочих в запоминающихся, много говорящих деталях и обобщениях.

Быстрый переход еще совсем молодого писателя к сложным жанровым формам эпоса был подготовлен тем, что даже в ранних его произведениях обнаруживаются зерна романного мышления. Еще в «Скрипаче» перед нами развертывался конспект романа с рядом действующих лиц, сложных ситуаций и отношений между ними, с запасом драматических узлов. Динамизм судеб, которым определялись особенности повествования в «Подлиповцах», тоже характерен не для очерка, а для романа.

Но переход к большой повествовательной форме был определен отнюдь не только самим талантом писателя, ориентацией его на романские способы раскрытия характеров и романное мышление в широком смысле слова. Развитие демократии в шестидесятые годы XIX в. ставило перед писателями, близкими ей, задачу утверждать в литературе широкий принцип равенства личностей, судьбы, характеры и внутренний мир которых представляет общий интерес, независимо от их положения в системе общества. Развитие же романа в России было тесно связано с исследованием самосознания интеллигентного героя. Еще в середине пятидесятых годов умный и знающий литературную жизнь критик П. В. Анненков решительно отрицал возможность романа из народной жизни, поскольку

эта «жизнь до того ничтожна, что первое слово каждого лица заключает в себе все остальные речи» [1, с. 50].

Утверждая социальное достоинство человека, было необходимо утвердить его и в качестве литературного героя. История русского романа знала первые попытки в этом направлении. Д. Григорович в романах «Рыбаки» и «Переселенцы» показал, что герои из народа подобны героям из другой среды, они развиты настолько, что их жизнь, мысли, нравственные понятия интересны всем, поскольку представляют общечеловеческие ценности. Герой из народной среды при этом не без существенных натяжек мыслил и говорил на уровне интеллигента. Вскоре же стало заметно, что подобное сближение и даже отождествление человека из народа и читателей, относящихся к цивилизованному слою нации, таит опасность: можно было легко прийти к мысли об отсутствии серьезных социальных проблем, которые и ведут к резкой дифференциации нации, к разделению на страдающих и благоденствующих, на изолированных от интеллектуальной жизни и на носителей «миссии нации».

В романе Григоровича, в сущности, гуманистическая аксиома о равенстве сознаний всех людей в сюжетно-образной ткани произведения подавалась как реализованная. В шестидесятые годы такой способ решения вопроса удовлетворить не мог.

Задача заключалась в том, чтобы, не уходя от действительно колоссального неравенства в уровнях развития личностей, определяемого социальными градациями, найти такие принципы романного изображения человека из народа, которое служило бы уяснению двуединой сущности его: исторической обособленности от цивилизованной части нации и, вместе с тем, его общечеловеческой сущности, выступающей в иных, непривычных для читателя формах, требующих особенного понимания и осмысления.

Видимо, Некрасов, а затем Благосветлов считали, что именно Решетников может создать новый тип романа о народе. Они не отговаривали его от реализации романного замысла, оказывали содействие, принимали участие в работе. Некрасов делал замечания, порой резкие, о длиннотах, ненужных сценах, о раздражающих недостатках в стиле, но никогда о способах развертывания романного сюжета и характеров. На основе романов Решетникова развернет теорию народного романа М. Е. Салтыков-Щедрин.

Ощущение принципиальной новизны романного жанра Решетникова было отмечено И. С. Тургеневым. В январе 1869 г., когда горнозаводские романы Решетникова были уже напечатаны, в тургеневском письме П. В. Анненкову по поводу выхода в свет романа Гончарова

«Обрыв» говорилось: «Какое отсутствие настоящей живой правды! Нет! После Л. Н. Толстого, с одной стороны, после Решетникова – с другой (не удивляйтесь: я его ценю высоко), эдакая промозглая и неистинная литература уже невозможна» [7, с. 397]. Как видно, романист Решетников ставится рядом с автором «Войны и мира». Основательность подобного сближения в другой связи детально рассмотрена Л. М. Лотман в статье «Ф. М. Решетников и проблема романа в шестидесятые годы» [3].

Лесков, человек других принципов, иного художественного видения мира, в том же году писал: «Если за последнее время есть серьезное произведение, заслуживающее почему бы то ни было внимания, так это – как явление светлое, – “Где лучше?”, роман Решетникова, печатаемый в “Отечественных записках”, и, – как явление странное, – “Идиот”, роман Достоевского в “Русском вестнике”»¹. Не будем здесь разбираться в лесковской оценке «Идиота». Что касается романа Решетникова, то он писал: «Главное его достоинство заключается в отсутствии какой бы то ни было искусственности. Его герои представлялись бы вам живыми, если бы в нем были “герои”; но в том-то и главная заслуга Решетникова, что он пишет не о героях, а о простых смертных; и их нужда и жизнь, жизнь трудовая, горькая, своею правдою, очевидною и простою... вызывает сочувствие и рождает серьезную мысль...» (цит. по: [6, с. 224]).

Как видно, решетниковские романы, вызывавшие столь высокую оценку в прошлом, должны заставить задуматься и нас, постараться понять их место в отечественной истории русского романа, развитие которого во второй половине XIX века столь тесно связано с развитием и судьбами романа на Западе.

Самое заглавие первого произведения романной формы было в известной мере полемичным. В читательском сознании и в построениях критики сложилось твердое представление о романе как исследовании самосознания лица, ищущего и находящего в потоке бытия решения вопросов собственной жизни, утверждения твердых нравственных постулатов. Центральный образ мыслился как психологическая загадка, требующая разрешения в поучение другим, для обогащения опыта межчеловеческих отношений.

Подобный роман, в значительной мере опирающийся на художественные открытия Тургенева, имел много вариантов, определяемых особенностями идейно-композиционных решений. Но все они по своим целям не выходили за рамки познания мыслящей личности, разумеется, в ее отношении к формам самой действительности.

¹ Вечерняя газета. 1869. № 1, 1 янв. (цит. по: [6, с. 224]).

Заглавия таких романов несли фамилию героя, например, «Рудин», «Обломов», «Молотов», или указывали на сословную принадлежность лица: «Крестьянка», в них порой заключался намек на ситуацию, в которой находится герой: «Накануне». Столкновение типов личностей, связанных с известными ступенями общественного развития, вел за собой заголовок «Отцы и дети». Но все они отмечали главный предмет самого интереса литературы – человек как личность, как индивидуальность.

Вынести в заглавие социально-профессиональное наименование значительной массы трудовых людей страны – значило по-другому, не так, как раньше, осмыслить самую задачу романа.

Может показаться, что близкие к этому типу заголовки романов уже встречались: «Рыбаки», «Переселенцы» Д. Григоровича, тоже представившие этап в развитии народного романа. Однако у него выделялась незначительная группа людей, быт которых мало отличался от массы земледельческого крестьянства.

Понятие «горнорабочие» уже несло в себе представление о совершенно особом слое людей, со своими отношениями к «владельцам», со своими условиями труда и быта, в условиях которых вырастал и особый тип человека труда. Это была социальная группа со своей историей, со своим настоящим и будущим. Она была характерна для Урала. Жизнь, интересы, способ понимания мира этих людей требовали иного жизненного опыта, чем тот, которым располагали другие писатели, кроме Решетникова. Он по праву считал себя голосом своих героев, вместе с ними переживая трагические перипетии их судеб.

Роман был о рабочих, рабочих Урала. Решетников предупредил в тексте романа, что Осиновского завода, где разворачивается действие, на карте не найти. Этим отводились возможные частные приночисления, но тем, кто вырос на Урале, невозможно не узнать топографию Нижнего Тагила в описании его литературного двойника.

Центр горнозаводского округа крупного заводовладельца Демидова, как и Осиновский завод в романе, делился на две «стороны», живших довольно изолированно друг от друга. То, что в романе именуется «Старозаводской слободой» – известная Гальянка Нижнего Тагила. Вдоль пруда к ней вела, действительно, единственная улица, воспроизводившая изгибы пруда и проходившая внизу горы, именовавшейся Лысой, с башенкой наверху. Как и в Тагиле, в Осиновском расположены одинаково по отношению друг к другу громадный барский дом, флигеля которого спускаются к пруду, и собор. Кстати, из действовавших в то время заводов собор на горном Урале был только в Нижнем Тагиле. Автор

говорил о почтовой конторе, которая была в заводе, но такие конторы, кроме уездных городов, имелись только в Нижнем Тагиле, Билимбае и Богословском заводе.

Билимбай, принадлежавший Строгановым, был небольшим селением и не походил на Осиновский, а только что зарождавшиеся Богословские заводы были меньше, да и население их складывалось преимущественно из вольнонаемных мастеровых, прикрепленных еще в дореформенную пору.

Приезд одного из владельцев Осиновских заводов Граблева рядом деталей, отмеченных писателем, напоминает известный по роману Мамина-Сибиряка приезд в Нижний Тагил П. П. Демидова в 1863 г.

Разумеется, писатель был далек от задачи нарисовать картину одного завода и поселка при нем. За частной жизнью Урала открывались коренные проблемы народного рабочего бытия. Прикрепленности же к определенному месту событий требовала особенность творческого сознания писателя, опирающегося на конкретный материал. Нижний Тагил, как говорилось, был одним из родовых гнезд Решетниковых. Заводскую жизнь они могли узнать во время жизни там, приездов к родственникам, отношения с которыми поддерживались все время.

Сюжет романа строится как история семьи Токменцевых, история, вмещающая цепь трагических ситуаций, в которых выражается то, что Салтыков-Щедрин называл «борьбой за существование». Несмотря на заглавие, подчеркивающее предмет романа как художественное осознание типических черт некоторой социальной общности, он начинается как обычный роман-монография о лице.

После самой короткой пейзажной зарисовки, определяющей печальную тональность повествования, читатели сводятся с рабочим Гаврилой Ивановичем Токменцевым. Образ его во многом построен на основе тех принципов соединения «портрета и жанра», о чем уже говорилось в связи с малыми жанрами автора. Очень подробно рассказано о его детстве, ступенях взросления, приобщения к труду. Мы узнаем о его жениховстве, дружном супружестве, несмотря на неизбежные бытовые перепалки, которые существуют как своеобразная традиция, не задевая истинных отношений.

На первых же страницах автор вводит нас в заботы рабочего, связанные с социальными проблемами. Почти без протеста, скорее угнетенно и примиренно он [Токменцев] размышляет о своевольном и напрасном превращении его из углежогов в рудокопы: не из-за производственной необходимости, а в наказание «за ослушание», за которое он к тому

же наказан плетью. Выступает наружу бесправие, унижение рабочего и человеческого достоинства.

Тут же читатели узнают, что подросток Ганька, сын его [Токменцева], за какую-то шалость жестоко высечен розгами. Сам он обсчитан, вместо трех рублей ему выдали только семьдесят копеек. Рассказ жены, встреченной на дороге, раскрывает новые грани трагедии семьи: забит до смерти старший любимый сын Павел, который был захвачен «лихоманкой» и, действительно, не мог работать, но обвинен в «лени». Горячий и горький материнский протест, который она заявила, начальство определило как грубые слова, за которые ее высекли. Она хочет идти к высшему начальству. Когда муж не советует, она говорит слова, полные чувства достоинства: «а по-твоему мне так ходить стеганой?.. Шалишь!» [5, т. 3, с. 11].

Чуть ли не в самой экспозиции автору удается раскрыть не только ситуацию, в которой находится [герой], но оценку человеком своего положения, выразить зреющий народный протест.

Мысль о произволе приказчика ведет за собой злые оценки Токменцева, совершенно очевидно, общие для всех рабочих. Приказчик для Гаврилы Ивановича «аспид проклятой», «стерво варнацкое». После встречи с женой, от которой он узнал о гибели сына, «он так был зол в это время, — пишет Решетников, — что попадись ему навстречу какой-нибудь надзиратель, он избил бы его так, что тот на всю жизнь бы калекой сделался» [Там же, с. 12].

Злоба в нем кипит и готова вылиться не на определенное лицо, а на всех тех, кто составляет союз подавляющих, унижающих, своекорыстных.

Беды падают на голову Токменцева и дальше. Приехав домой, он застаёт свою дочь на свидании с Ильей Плотниковым, сыном мастера, представляющего ненавистную ему «начальственную» верхушку. Заботы о ее нравственности сильны, но отступают на второй план в мыслях Токменцева, когда Плотников представляется женихом. Елена любит его. Илья деликатен и даже по-своему тонок в отношениях с ней. Но сама мысль породниться с «приказным» невыносима ему [герою]. «Породнись с подлецом, сам подлецом будешь», — формулирует Гаврила Иванович. Такое отрицательное отношение к «приказеям» свойственно не одному Токменцеву. Заводские парни тоже угрожают Илье побить его, если он будет ходить в их порядок и ухаживать за Еленой. От угроз они переходят к делу.

Социальный антагонизм мешает родству не только из-за «подлости» самой среды, враждебной рабочим, но и потому, что неизбежно

проявляется высокомерие «высшего», презрение к свату, снисходительное, в лучшем случае, отношение к жене сына со стороны такого свекра.

Токменцев, конечно, хотел бы выдать дочь за «хорошего человека», но мысль о таком женихе – часть социальной народной утопии. Предполагается, что он богат, но – по-честному, и это невозможно, а Елена бедна и даже если такой жених и возможен, ей все равно недоступен.

Гаврила Токменцев основу несчастий видит в высшей несправедливости: «Осподи Исусе! Да пошто же ты экую напасть нам, грешным, приставил! Чем я-то хуже других, чем я не человек!» [Там же, с. 26]. Чуть позднее эта общая формула наполняется конкретным социальным содержанием.

Даже в обращении к богу, как складывается в сознании Токменцева, уже предполагается разделение людей на тех, кто и рублевой свечки поставить не может, как он, Токменцев, получающий всего рубль в месяц, и тех, кто, как сын бывшего управляющего и мастер Назар Плотников, может поставить свечу десятирублевую. В другом месте мысль о противозаконном разделении на богатых и сильных, бедных и слабых дополняется совершенно верным рассуждением, что положение тех и других не определяется их личным достоинством и умениями.

Все мысли о дочери, которую он [Токменцев] жалеет, приводят к выводу, что в возможном ее несчастье, дурном пути, отсутствии хорошего жениха виноват он, потому что беден, а из бедности «вылупиться не может никаким манером». Но кто же виноват в этой безысходности, он не знает.

Он по-своему любит дочь, чувствует к ней нежность, даже когда ругает ее. Только что, осудив Елену за легкомыслие и свидание, он выходит в огород и способен с ласковым чувством подумать: это ее заботы, ее труды. В отношении даже к малому домашнему труду он мастер требовательный и аккуратный. В романе сцены и мотивы труда занимают большое место. Покос, хоть и для себя, но дружно, в одно время со всеми, воспринимается героем поэтически. В труде на шахте его страшит не подземелье, вода, плохие условия, ему страшна подневольность, беззащитность от произвола, отсутствие уважения со стороны штейгера.

Признание права Елены на любовь подсказывается ему воспоминаниями о собственной молодости, о любви к той, которая стала его женой, о том, что не всегда можно подчиняться требованиям родителей, как в свое время, не подчинился он.

Дальнейший рассказ о хорошей девичьей любви перебивается главой, в которой грубая наглая сила вламывается в дом Токменцевых. Полицейский урядник Артамонов насилует ее [Елену]. Насилует на основе той же

«власти» и безнаказанности, которые лежат в основе всего социального мира. «Участливая» соседка сначала помогала «искать управу» на насильника, но вскоре она же оказалась источником «слухов», о том, что Оленка «потеряла себя». Девушки ее круга отшатнулись от нее: они стали как бы над ней, их общественная стоимость на рынке невест выше, они гордятся этим, находят порочащие подружку факты и вымыслы.

Но Елена поглощена своей любовью к Плотникову. Она ищет новых встреч с любимым. Человеческое у Решетникова выше того, что входит в круг повседневного бытового.

Решетников понимает еще глубже: все-таки уровни культур, понимание жизни у молодых, воспитанных в разных социальных ситуациях, тоже разные. Отсюда он и замечает у влюбленного юноши тень сомнения рядом с горячим любовным увлечением. Однако образ Токменцева не только несет черты социального типа. Он – личность, личность и в отстаивании достоинства, и во многих человеческих симпатичных чертах характера и поведения.

Уже в сцене, которую мы назвали экспозиционной, рядом с грубыми определениями бед, обид и обидчиков, вдруг вырвется ласковые слова верному помощнику – коню: «Э-эх, ты, сокол ясный, друг прекрасный», «ну, ну, бурко миленькой, золотой, серебряной, штоб тебе калачиков двадцать» [Там же, с. 8–9].

Решетников видит главные черты человека, выработанные социальной практикой, связанной с коллективным трудом, в сознании необходимости такого труда, в чувстве чести и мастерства, в ощущении солидарности тех, кто трудится, в способности резко отрицательной и иронической оценки угнетателей, в переживании их равенства в отношениях между собой, в коллективности познания, не исключающей личных достижений в мастерстве.

Сам Токменцев, размышляя о своей судьбе, приходит к верному выводу, что не занимает места штейгера, которому так хорошо живется, не по недостатку знаний и способностей, не потому что он меньше смыслит, чем Подосенов, который получил должность только потому, что сперва *угодил* приказчику, потом *женился* на дочери уставщика, *стал* нарядчиком, потом его *сделали* надзирателем [и] он *выпросил* должность штейгера. На всех этапах его карьеры знания, умения, опыт, честность, человечность не играли и не играют никакой роли.

Эта значительная мысль о полном разделении сути трудового дела и карьеры в условиях крепостнических отношений, шире – в обществе, основанном на господстве и подчинении, является одной из сквозных.

Говоря о переменах в жизни своего героя, он [писатель] подчеркивает господство принципа, при котором произвол и насилие держат в повиновении рядовых, возвышают «старших» в собственных глазах. Неподвижность принципа послушания поддерживается нагнетанием страха, который действительно укореняется в сознании рабочих. В их душе своеобразно соединяются верная резкая оценка «начальства» и, вместе с тем, непреодолимый страх. Автор пишет, что Гаврила Иванович «имел со всеми рабочими большую антипатию к начальству, но трусил, как и все трусят» [Там же, с. 14]. Трусили... Вот и определена причина, мешающая протиться туче ненависти.

В сюжете намечена значительная роль Илье Плотникову, сыну плавильного мастера, то есть не только рабочему, но, что важнее, [одному] из тех, кто составляет часть заводской верхушки. Любимый Еленой, этот своеобразный рабочий интеллигент, получил образование в заводской школе, что обеспечивало хорошее положение в служительской верхушке заводского населения.

Отец Ильи, «не последняя спица в заводской колеснице», «толст как бык, здоров как чорт» [Там же, с. 27]. В самих определениях, хотя и данных от имени автора, заключена народная оценка, народное неприятие его как типа. Он старается, с одной стороны, выслужиться перед приказчиком и управляющим, с другой же — обворовать завод, скрывая истинное количество выплавленного металла, «экономя» на заработках рабочих. Рабочий народ называл его не иначе, как «варваром и отчаянным вором». Сын вошел с ним в конфликт. Воспитанный дома в изоляции от «низших», он тяжело переносил отсутствие сверстников, а сосредоточенность на собственных размышлениях подготовили почву для критического отношения к жизни. Когда фортуна на время отвернулась от отца, он вместе с ним был вынужден работать на руднике и ближе узнал рабочих, над которыми некогда «властвовал» отец, привязался к ним. Старые рабочие «открыли ему глаза», натолкнули «на верные мысли» [Там же, с. 29].

Невольный выход к сравнению двух систем жизни — подчиненных и подчиняющих — вел его к мысли о том, как бы согласовать крайности положений. «Он думал: как бы ему хорошо быть богатым, таким же довольным как его отец, но жить бы честно, не воровать, не стеснять рабочих... быть не битым и свободным... Его постоянно мучила мысль: зачем это обитатели завода находятся в каком-то рабстве?» [Там же].

Решетников почти за полвека до появления горьковских «Записок о мещанстве» по-своему выразил двуединое народное стремление: «быть лучше и жить лучше». Как согласовать эти стремления, сами по себе

не предполагающие противоречия? Окружающая действительность подсказывает, что живет лучше тот, кто не думает о других, кто не чувствует нравственных мучений от их бесправия и превосходства.

Таково движение героя к идее братства. Честность и сочувствие к рядовым рабочим не позволили примириться с плутнями начальства. Книги, как пишет Решетников, трудные для него, не помогли в его развитии. В них не было ответа на вопросы, волнующие Илью. Он не мог ужиться с заводскими порядками, его отправляли в полицию, под арест, даже выстегали, и – так по-своему определяется «невписанность» человека в общественные порядки, – сохранить свое место в среде «служащих» ему удастся только потому, что он «переписывал записки для управляющего» и «прислуживал у него вроде лакея», и раз даже «удостоился чести похристосоваться с ним» [Там же], – иронизирует писатель. Но он живет вместе с отцом, снова поднявшимся «наверх», и в глазах рабочих уже потому он «чужой», враждебный им. Они готовы «поучить» его, как всякого «приказчика», не различая в нем доброго начала.

Решетников далек от мысли, довольно распространенной в шестидесятые годы XIX в., о фатальной обусловленности человека средой. В душе Ильи формируются чувства и понятия, чуждые мировоззрению и поведению его отца. Сам Решетников не сомневается, что принадлежность к большинству рабочих, далеких от касты представителей, угнетающих других, формирует многие добрые человеческие черты и вырабатывает общую рабочую позицию в отношении к угнетению и в оценке идеи свободы. Личность для нашего писателя – не всегда простой слепок с социального целого.

Человек, включенный в трудовое сообщество, в солидарный круг товарищей, проходил школу единства и выработки общих социальных оценок. Об этих процессах внутри рабочей массы свидетельствует опыт Токменцева, и, будучи с друзьями, он сам, своим умом изощрялся в насмешках и остротах, складывал песни, высмеивая в них, вместе с другими, управляющего, приказчика или исправника. Круг знаний его был определен тем, что и у всех: неоткуда приобрести было им, да и охоты не было. Здесь следует заметить интересное наблюдение, что обыденное сознание рабочих покоилось на традиционных нормах нравственности и корректировалось практикой трудовой коллективной жизни, заставлявшей искать и новые ценности.

По художественной полноте, степени проникновения в душевный мир человека самым значительным в романе является образ Елены Токменцевой, заневестившейся дочери Гаврилы Иваныча.

В обычной для него манере построения образа автор рассказывает о детстве героини, рассматривая ступени вызревания личности. Сначала она предоставлена улице, общению с себе подобными; набираясь традиций, она «врастает» в среду, становится ее составной частью, включает в себя ее опыт. Затем начинается период сознательной педагогики матери, отца, родственников, определяющий своеобразную программу поведения. Эта программа включает ряд трудовых навыков: «качать зыбку, таскать братьев и играть с ними, выносить помой, мести и мыть пол в избе, кормить корову, загонять овечек, ходить по грибы и ягоды». Автор тщательно перечисляет, что делает девочка и девушка, ничего не пропуская. Затем наступает новая ступень – «ее стали приучать уже прясть, вязать, стряпать, шить, заставляли петь при гостях песни» [Там же, с. 19]. Песня в жизни девушки, да и в целом рабочей среды, занимает большое место. Она – форма выражения внутренней жизни человека. В песенных словах и мелодии заключено ожидание другого времени, предощущение еще не сложившихся чувств, она несет образ молодца, составленный из условных черт возможного избранника.

Пока в детальном повествовании о формировании героини нет ничего индивидуального. Решетников видит задачу в том, чтобы показать единство народной личности в ее фундаментальных общих свойствах, заложенных домашним и уличным воспитанием. Чувства ищут выражения в тех общих лирических формулах, которые говорят о ценности определенных ситуаций и сопряженных с ними переживаниях.

Подобная детализация делает человеческий образ «слепком» действительности, а не суммой случайных впечатлений от нее. «Плотность» мира, его материальность при этом становится осязаемее, весомее. В нем нет пустот и промежутков. Личность человека осознается в ее социальной материальности, своеобразно наслаивающейся на природную основу, получаемую от рождения. Она развивается только вместе с движущейся, полнящейся, совершенствующейся социальной практикой. Это замечание о художественном понимании человека поможет дальше раскрыть построение образа Елены.

Но вот человек сложился. Приходит пора любви. Обычно говорят, что Решетников не психолог, а бытописатель. Но личность героини раскрывается в сложном психологическом рисунке. Однако это *решетниковский* психологизм, который тоже является открытием. Психология раскрывается в отдельных микродействиях, частных движениях, как будто незначительных и, главное, в своеобразном двуголосии: слова героини и автора ведут своеобразный дуэт, в котором раскрывается порядочность,

обнаруживает себя человеческая любовь, скрытая часто под грубой оболочкой привычных жестов и слов.

Писатель «от себя» говорит, что Елена, «часто вспоминая девические игры и куклы и припоминая разговоры отца, матери и разных родных и знакомых... давно понимала, что ее назначение – быть женой, а разговаривая с подругами, она поняла, что такое муж и жена, но только все еще не понимала, что такое любовь...» [Там же, с. 20]. Затем он передает ее физическое состояние, вызываемое мыслью о любви: «Юная кровь ее волновалась, прилиwała к голове, в голове бродили какие-то несвязные думы, сердце билось сильно» [Там же].

<...>

Авторские слова предваряют переход к описанию ее реакций. «Непонятные чувства» вспыхивают в ней с особой силой «при виде молодого человека в сюртуке», или когда ее ущипнет заводской парень. Отругиваясь, она уже чувствует неясную тревогу и неловкость, а во сне ей начинают казаться свечи, церковь, свадьба.

Сцена «вечёрок» включает ее [Елены] самоанализ. Она не могла понять, что с ней делается, и задает себе вопрос: «Господи! что это со мной стряслось?.. ведь я плясала же с другими, и с приказными, и с парнями и ничего, а тут... оказия...» [Там же, с. 21].

Через примитивные, грубые формы выражения прорывается естественность человеческой душевной красоты.

Превосходно написана сцена свидания Елены с влюбленным в нее Плотниковым у нее дома, покоряет наблюдательность писателя, умение передать диалектику душевных движений в их соотношении с поступками. Увидав любимого, проходящего мимо ее дома, она хочет задержать его, обратить на себя внимание, ощутить радость общения, и Елена, вопреки правилам приличия, принятым «улицей», сама открывает окно и окликает Илью. Следует его вопрос «Можно ли зайти?» и испуганный ответ девушки «О, нет!...», категоричность которого умерена дальнейшими словами, выражающими тревогу за свой поступок: «Право, боюсь» [Там же, с. 22]. Это «боюсь» подкрепляет чисто условный вопрос-недоумение: «зачем он?». Потеряв голос, она все же здоровается.

В обычном бытовом обмене репликами все время живет подтекст, прорывающийся в признании Ильи: «Я весь измучился об вас... Не поверите: просто бы все так сидел с вами, да на вас глядел» [Там же, с. 23]. Своим кокетливым «Ой, ли?» она провоцирует действия возлюбленного, но когда он обнимает ее, резко отталкивает: «он чуть не свалился с лавки» [Там же]. Ей не хочется торопить развитие чувств. Дальше идет

прекрасная картина чистой любовной игры, в которой соединяются волнения естественного чувства и страх, боязнь пересудов: «Ну, как я теперь в люди покажусь» [Там же, с. 24]. Желание прекратить то, что происходит, и желание «продлить очарование», и снова боязнь «греха». Так и застаёт влюбленных отец...

Колебания чувств и раздумий отца, подозревающего дочь в «грехе», дается писателем в столь же тонкой диалектике. Токменцев обрушивается на «негодную» дочь с руганью. Впрочем, не столько в поучение, сколько для того, чтобы выразить собственную боль за нее. Он еще хочет верить, что она «честная», но все мысли о возможном замужестве дочери – дело, кажется, чисто семейное – получают общественное содержание и отражают систему отношений в обществе. Выдать «за своего брата», простого рабочего, – обречь на нужду, тяжелую во всех отношениях жизнь. Муж из «приказеев» – враждебен: «сроднись с подлецом, и сам подлецом будешь», – формулирует отец.

Писатель нарисовал прекрасную сцену любовного свидания Елены и Ильи. Поэзия чувства, прекрасная любовная игра, выражающая сложность душевных переживаний девушки, предстают как высокое искусство. Как верно заметил А. Астафьев (автор известной работы о романе), в сцене нет эротики, как в высоком народном лирическом эпосе.

Героиня забывает о различии социальных положений ее и любимого. Она верит только в чувство, его силу, его благородство, ценность в нем дружеской бесконечной признательности.

Решетников изумительно верно показал становление и возвышение самой личности девушки, ее самореализации, в раскрепощении истинных человеческих чувств.

Писатель обнаруживает большую проницательность, когда в рассказ о любовном увлечении Ильи Плотникова вставляет его размышление, на первый взгляд, не несущее сколько-нибудь значительной информации. Илья взвешивает свои отношения к Елене, находит много достоинств в ней, главное – простоту, и приходит к выводу, что «Елена ему лучше нравится, чем другие девицы», что «она девушка славная», что он «одну ее любит» [Там же, с. 57]. Но в потоке такого самоотчета в собственном состоянии чувств вдруг встречаются слова: «...Но он что-то находил отталкивающее в ее натуре, какой-то тяжелый туман ложился в это время на его мысли» [Там же]. Было бы наивно думать, что различия в положении, в богатстве, в ступени, занимаемой человеком в социальной иерархии, – препятствия чисто внешние. Решетников видит, что на этой основе складывается

определенная психология, у мастера – своя, у рабочего – своя, связанная с чувством собственного достоинства и социальной независимости.

Решетников – умница. Он расслоение людей ведет до различий в духовном мире, в понятиях о себе, о других, в способах раскрытия личности для этих других. Это тоже мешает развитию человеческой любви.

Роман «Горнорабочие», как было сказано, в полном виде не увидел света. Но в рукописном плане сюжета Плотников женится не на Елене, а на дочери приказчика Анне. В плане говорится прямо: «Елена втянулась в Плотникова. Плотникову Елена надоедает» [Там же, с. 461]. Отец женит его на дочери приказчика Анне. Елена выходит замуж за Чуркина, пьяницу и буяна. Судьба ее не складывается, а богатые возможности любовной привязанности и красоты чувств не могут реализоваться.

Все, что связано с Еленой, – есть история убиваемой человеческой любви. А только она, – как верит писатель, – основа верности, основа свободного развития личности женщины в семье.

При прямо-таки щепетильной детализации обстановки, процессов труда, портрета, мизансцен, пейзажного рисунка Решетников в романе выводит читателя в достаточно широкий исторический мир, мир социальных отношений, выражающихся в конкретных формах. Он знакомит с теми общими особенностями жизни рабочих, которые объясняют многое в их «борьбе за существование». Мы узнаем о разделении всех на «непременных работников», «мастеровых» и «служительский класс», как официально называли в заводе всех, кто из рода в род исполнял канцелярские, технические должности, участвуя в эксплуатации рабочих, наживаясь и от обкрадывания заводоладельцев, и от обирания рабочих. Все эти сведения – та же форма конкретизации, которая встречается в детальном описании обстановки. Вместе с тем, приобщение читателя к этим сведениям позволяет частные случаи быта и бытовых столкновений увидеть в более широком историческом плане, в зависимости от общих отношений господства и подчинения, власти и обличения.

Однако писатель стремится уяснить нам, каковы же исторические корни этих отношений. Заключены ли они в случайных установлениях, выработанных на заводе, или лежат глубже? Выходя в историческое время, он включает в роман особую главу «История Осиновского завода», во многом используя материалы очерка, который предлагался им в «Современник». Обычное представление, ведущее промышленный Урал от инициативы Демидовых, Решетников, выражая народную точку зрения, отвергает. История в его изложении выглядит так. Русским людям показалось «жить дома тесно и случились такие обстоятельства, что им

хотелось жить самостоятельно, свободно». Автор, прибегая к иносказанию, употребляет выражение: «случались такие обстоятельства...» [Там же, с. 31]. Что же это за ситуации, которые вдруг порождали желание жить самостоятельно и свободно? Совершенно очевидно, что усиление феодального гнета, принимавшего самые тяжелые формы, и было причиной передвижения в укомные места Урала.

Решетников убежден, что эти люди, заселявшие Горный край, пытались организовать производство металлов. Но об открытии руд узнали «сильные и богатые люди», которые и забрали себе большие пространства земли. Решетников видит две причины, сделавшие свободных людей не свободными.

Одна и – главная – «люди, жившие на этих землях или только что вступившие на эту землю, захватывались и причислялись к владельческим землям, выгонялись на работы и становились рабами разных богатых людей» [Там же, с. 33]. Такая же картина была нарисована Маминым-Сибиряком в рассказе «Красная шапка», написанном им в 1876 г., т. е. через десять лет после Решетникова. Вряд ли роман Решетникова мог быть источником концепции Мамина-Сибиряка, но, несомненно, что оба они пользовались устными народными преданиями, широко распространенными на Горном Урале.

Обратим внимание на то, что акцент делается у Решетникова на развитии металлургического промысла задолго до появления Демидовых. «Сначала, – говорит писатель, – они (пришлые рабочие люди. – И. Д.) вырабатывали руду сами» [Там же, с. 31]. Дошедши до того, что руду можно сплавлять, – сплавленные металлы возили в город, где продавали их за хорошие деньги или выменивали на припасы. Потом осиновцы, – здесь писатель говорит о тех рабочих, которые жили на месте Осиновского завода, – «дошли до того, что стали из руды выделять вещи, необходимые для хозяйства, и излишек опять променивали» [Там же, с. 33]. Таким образом «осиновцы обратились в горных людей и получали хорошее обеспечение». В романе говорится, что «так существовали осиновцы лет тридцать».

[Еще] одна сила, определившая зависимость осиновцев, – политическая феодальная власть царя, отдавшего край Граблеву (в романе), Демидову (в жизни). Однако, на первых порах были использованы различные методы привлечения рабочих. Граблев, как узнали разбежавшиеся рабочие, обещает платить деньги. Замечательно, насколько точно выражает историческую память рабочих автор романа, рассказывая о событиях прошлого. Он говорит: «Граблев знал, что осиновцы свое дело знают,

силой их заставить невозможно, поэтому он и дал им такую плату до поры до времени» [Там же, с. 35]. Это «мужицкий» вариант истории, которая обычно излагается так: Петр хотел ввести вольнонаемный труд, но потом все поменялось само собой. Крепостной труд был выгоднее для владельца и для развития хозяйства. Народный вариант истории глубже. Решетников заметил, что была со временем смята инициатива работников, ликвидирована возможность им самим развивать промышленность, вести производство. Они закрепощены не только как работники, но и как потенциальные носители общественного прогресса, свободы экономического развития. Наилучшие из них, поставленные во главе производства, сами становились частью силы принуждения.

В романе осиновцы представлены раскольниками. Действительно, роль этого контингента русских людей, бежавших от церковной политики Никона и последующих «пастырей» на Урал, была велика. Мамин-Сибиряк не раз вслед за Решетниковым отмечал: «...Все заводское дело на Урале поставлено раскольничьими руками» [4, с. 244].

Противоречия между рабочими и заводской администрацией, представлявшей хозяйские интересы, все росли: «Рабочих посылали на работу палками, за работами били; увеличилась кража металлов, воровство, беспорядки». За словом «беспорядки» – цензурно нейтральным – стояло то, что Мамин-Сибиряк позднее назовет «неумиравшим духом протеста, глухой борьбой и взрывами дикой воли» [«Аверко», из цикла «Разбойники»]. У Решетникова вслед за рисунком, пунктирно обозначающим общие процессы исторической кабалы рабочих, идут иронические строки: «...Несмотря на бедственное положение народа, Осиновский завод считался одним из самых богатых» [5, т. 3, с. 38]. Но ведь к нелепостям самой истории принято относиться так: богатство, но не для народа! В итог главы вынесено прямое указание на зреющие силы протеста: «...Все они, от пятилетнего ребенка до последней минуты жизни, ненавидели всякого начальника и ни о ком не отзывались, что это хороший, добрый человек» [Там же, с. 39]. Ни о ком! Дело не в личных отношениях, а в отвращении к сложившимся социальным условиям, к угнетению, к подавлению свободы, воли.

Этот исторический экскурс, занявший целую главу, делает события того времени, когда разворачивается сюжет романа, частью большого и достаточно неизменного исторического времени, враждебного рабочему люду, его человеческой воле и стремлениям. Бытовые картинки, живые, порой и свежие, остаются самостоятельным документом быта России, одного из ее сословий.

Рецензент «Голоса» верно почувствовал мешающие друг другу два жанра. Действие парализовали многочисленные жанровые сценки и очерковые события. Яркость бытовых картин, не выстраивающихся в то целое, которое работает на создание художественного типа, проявление личности, мешало построению динамического сюжета, расслабляло повествование.

За Решетниковым остается роль одного из новаторов в постановке вопросов о бездуховности церковной среды, что отмечали и публицисты «Современника», и открыватели типа «благополучного россиянина», чуть позднее ставшего знаменем времени. (На этом настоящая рукопись обрывается. – М. Д.)

Публикация М. И. Дергачевой

Список литературы

1. *Анненков П. В.* Воспоминания и критические очерки : собр. ст. и заметок 1849–1868 гг. : отд. 1–3. Отд. 2. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1879. 406 с.
2. *Курочкин Н.* От редакции // Невский сборник. [Вып.] I. СПб. : Тип. К. Вульфа, 1867. С. 741.
3. *Лотман Л. М. Ф. М. Решетников и проблема романа в шестидесятые годы* // Русская литература 1870–1890-х годов : [сб. ст.]. Сб. 6. Свердловск : [б. и.], 1974. С. 3–15.
4. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собр. соч. : в 12 т. / под ред. Е. А. Боголюбова. Т. 12 : Автобиографические произведения. Публицистика. Свердловск : Свердлгиз, 1951. 374 с.
5. *Решетников Ф. М.* Полн. собр. соч. / под ред. И. И. Векслера. Свердловск : Свердлгиз, 1936 [на переплете: 1937]–1948.
6. *Столярова И. В.* Неизвестное литературное обозрение Н. С. Лескова // Русская литература : сб. ст. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 224–229. (Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. филол. наук ; вып. 72).
7. *Тургенев И. С.* Собр. соч. : в 12 т. Т. 12 : Письма. 1831–1883. М. : Гослитиздат, 1958. 695 с.